

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

РОССИЯ — АФРИКА: КЛОНДАЙК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Интервью с доктором экономических наук, профессором, заместителем директора по научной работе Института Африки РАН, заведующим Центром глобальных и стратегических исследований Л.Л. Фитуни

Фитуни Леонид Леонидович родился 27 сентября 1953 г.; окончил МГИМО МИД СССР в 1975 г., доктор экономических наук, профессор. Возглавляет Центр стратегических и глобальных исследований Института Африки РАН. Автор 18 книг и около 300 статей, владеет английским, французским, арабским языками. Интервью с доктором экономических наук, профессором Л.Л. Фитуни посвящено наиболее актуальным вопросам российско-африканских отношений, а также ключевым особенностям взаимодействия в исторической ретроспективе.

По мнению Леонида Леонидовича, нельзя сказать, что эти отношения находятся на пике своего развития, тем не менее в последнее десятилетие можно проследить определенный подъем.

В интервью с профессором также затрагиваются темы списания Россией африканским странам их долгов и присутствие отечественного бизнеса на континенте. Л.Л. Фитуни подробно останавливается на экономическом потенциале африканских государств и перспективах сотрудничества с Россией.

Особое внимание уделяется мировым научным школам африканских исследований и подготовке кадров в этой области, в том числе отечественной школе африканистики.

Ключевые слова: Африка, африканистика, российско-африканские отношения, Институт Африки РАН

Отношения между Россией и Африкой насчитывают несколько веков. Например, с такими государствами, как Эфиопия, Марокко, ЮАР, Россия поддерживает отношения еще с XIX в. На каком этапе находятся эти отношения в настоящее время? И как эти отношения сказываются на развитии сотрудничества России со странами Африки?

Л.Ф.: Конечно, приятно рассуждать о «многовековой» истории российско-африканских политических, экономических и культурных связей, но на самом деле в XVIII—XIX вв. имели место главным образом эпизодические контакты. Африка традиционно пребывала вне плоскости основных интересов Державы Рос-

сийской. Сведения о контактах той поры скудны и переплетены с мифами, а историки в угоду политической моде или собственным идейным установкам нередко весьма произвольно интерпретируют мотивы и даже реальные факты — будь то история так и не реализованной экспедиции вице-адмирала Вильстера, посланной в 1723 г. Петром I на Мадагаскар, или куда более близкие современному россиянину загадки африканских корней А.С. Пушкина.

Что касается сегодняшнего этапа, то нельзя сказать, что в наши дни российско-африканские отношения находятся на высшей точке своего развития. Она была пройдена где-то в промежутке между 1975 и 1985 г. Советский Союз был тогда одним из двух наиболее могущественных государств в мире. Он и США именовались сверхдержавами. Считалось, что у них по определению должны были быть интересы во всех регионах мира. И действительно, эти интересы были не просто номинальными, но и вполне реальными: и экономические, и геополитические.

В тот период Африка была нашим активным партнером, сферой распространения наших идей, регионом, где умело сочетались экономическое сотрудничество, поставки вооружений, идеологическая экспансия и реальная побеждающая в конкуренции с Западом советская «мягкая сила». С тех пор, к сожалению, ситуация несколько перешла в неблагоприятную плоскость, поскольку, начиная с 1990 г. почти до начала 2000 г., в России наступило затишье в международных отношениях с африканскими странами. Причем «затишье» — это мягкое слово. По сути, тогдашнее внешнеполитическое руководство (речь идет прежде всего о конце 1980-х и большей части 1990-х гг.) исходило из того, что «Африка нам не нужна». И мы ушли оттуда. Утратили многие свои довольно сильные позиции, фактически бросив своих верных союзников, которые могли бы продвигать наши экономические и стратегически важные интересы по сей день.

Сегодня мы видим, что внешняя политика лидеров той поры была недалеконезримой. Ссылки на то, что наши возможности были ограничены, не вполне корректны, поскольку и при ограниченных возможностях у нас были благоприятные перспективы для сохранения пусть не всего достигнутого, но хотя бы ключевых и значимых завоеваний. Однако и эти позиции были сданы.

Снова интерес проснулся только к началу 2000-х гг. Мощными стимулами к развитию связей послужили официальные визиты в страны Африканского континента Президентов РФ — В.В. Путина в 2005, 2006, 2013, 2015 г., Д.А. Медведева в 2009 и 2010 г. Сегодня мы видим определенный подъем этих отношений. Более того, я бы даже сказал, что после определенного глобального переформатирования геополитической ситуации в последние несколько лет интерес к Африке наблюдается все активнее. И наблюдается даже в тех кругах, которые не так давно скептически смотрели на этот континент.

Здесь я имею в виду наш российский частный бизнес. На сегодняшний день африканский континент — это регион, который дает самую высокую норму прибыли на вложенный капитал в сравнении со всеми другими регионами мира. Хотя, с другой стороны, понятно, что высокая норма прибыли — это и высокие риски. Видимо, поэтому наш бизнес туда особо не стремился.

Сейчас в этом направлении произошли определенные сдвиги, которые прежде всего проявились в позитивной и стимулирующей роли государства. Но этого недостаточно. Хотя Россия и продекларировала политический интерес к развитию отношений с африканскими странами, и в скором времени, я думаю, мы увидим определенный подъем, до возвращения к позициям Советского Союза 1975—1985 гг. идти еще очень долго и сложно. Потому что успехи на внешних рынках возможны только при условии достижений в области внутренней экономики нашей страны.

Большие споры в российском обществе вызывает тема списания долгов развивающимся странам, в том числе африканским. Скажите, пожалуйста, в каких случаях возможен перевод долгов в инвестиции, и можно ли привести такого рода примеры?

Л.Ф.: В России и журналисты, и политики довольно часто говорят о списании долгов, и вопрос этот вызывает у них, так сказать, противоречивые, чаще негативные, эмоции. Но давайте смотреть на проблему реально: действительно, Российская Федерация списала значительную часть долгов, однако это было уже давно, более 10 лет тому назад.

К настоящему времени нами уже списана основная задолженность африканских государств — это более 20 млрд долларов США. В рамках схемы «долг в обмен на развитие» подписаны двусторонние межправительственные соглашения с Замбией и Танзанией об использовании задолженности на финансирование проектов развития. Ведется подготовка к подписанию соответствующих документов с Бенином, Мозамбиком и Эфиопией.

Основной долг африканским странам на сумму более \$20 млрд Россия списала в рамках Инициативы по беднейшим странам с большой задолженностью (НІРС). Здесь, конечно, было проявление нашей доброй воли, естественно, без нее ничего бы не произошло. Но это не только вопрос щедрости и, так сказать, альтруистического поведения. В определенной степени это было ценой за вступление в Парижский и в Лондонский клубы кредиторов, ценой участия в группе G-8, по сей день позиционирующей себя в качестве элитного клуба ведущих стран мира. Сегодня позолота этого идола несколько «пооблупилась», появились альтернативные влиятельные объединения. Но дело сделано.

Второй момент — надо признать, что к 1998 г. большая часть африканского долга, да и долга многих других развивающихся стран, Советскому Союзу была уже утрачена. По независимым оценкам, в 1960—1980-е гг. СССР оказал Африке помощь на \$60—150 млрд. Однако в 90-е гг. дружественные отношения между Россией и африканскими странами были подорваны. В то смутное время значительная часть национального богатства России перетекла за рубеж по непрозрачным схемам. Судьба российских долговых требований (не только на страны Африки) не стала исключением. Значительная их часть «усохла», часть была конвертирована в частные состояния через сомнительные схемы при посредничестве еще более сомнительных личностей. Не секрет, что в этом принимали участие даже отдельные высокопоставленные чиновники.

Африканские долги СССР продавались за гроши на вторичных финансовых рынках. Чиновники получали откаты, предприниматели конвертировали национальные валютные требования в свой доход через залоговые и другие инструменты. В ряде случаев в рамках таких схем за один доллар наших требований на африканскую страну платили 3—5 центов. И это при том, что в этот же период, если посмотреть на публикации котировок тех лет, то средние цифры, даже по кризисным странам, были вдвое, а то и втрое выше.

Понятное дело, что в условиях хаотичного становления рыночной экономики в России 90-х гг., действительно, какая-то «скидка» на российские требования делалась. Видимо, реальные платежи за долг были и повыше, чем фигурировало в официальных бумагах, а разница шла в чей-то карман, и кто-то потом становился крупным предпринимателем, банкиром или кем-то еще очень уважаемым.

Даже если считать, что напрямую украли лишь небольшую часть долга (а были случаи, когда соответствующая документация просто исчезала), все равно разворовывание нанесло куда больший ущерб, чем списание долгов. От списания был толк в обретаемом политическом капитале, в укреплении отношений с африканскими странами, в открытии новых перспектив сотрудничества. От воровства — только рост коррупции и экономической преступности.

Важный момент — списание долгов на самом деле открывало определенные возможности для наших новых экономических предприятий, инвестиций и сотрудничества с государствами африканского континента, но опять-таки придется оговориться, что многое из того, что задумывалось, в жизни реализовано все равно не было. В политическом смысле у России очень большая инерция, и не только в чиновничьем аппарате, но и в нашем предпринимательском классе. Очень большое стремление быстрой выгоды — получить сегодня все сразу. Все это тормозит нормальный ход экономических отношений. Наш предприниматель ленив и неповоротлив, он все время чего-то требует от государства, правительства, но если благодаря такой поддержке чего-то заработает, забывает поделиться с обществом.

Тогда, может быть, выход кроется в разработке конверсионных схем перевода долгов в инвестиции?

Л.Ф.: К сожалению, на сегодняшний день я пока не могу привести полноценных позитивных примеров эффективности этих соглашений, хотя у нас такие схемы уже обкатывались и формально существуют в отношениях с Эфиопией, Мозамбиком, Бенином.

Да, мы готовы, да, мы предлагаем, мы что-то подписываем, но тут выясняется, что наши собственные возможности не столь широки — у нас очень высокая степень рассогласованности основных составляющих экономического сотрудничества. В развивающейся стране, как правило, острая нехватка свободных инвестиционных средств. Африканская сторона, допустим, предлагает: «Давайте вы, например, поставьте нам трактора или постройте завод по производству какого-нибудь оборудования, а мы в обмен дадим возможность добывать платину, уран, ну или что-то попроще — медь, марганец или что-нибудь еще». На что российский частный предприниматель, который продает трактора, говорит: «А зачем мне ваша

шахта? Мне нужны „живые“ деньги в обмен на поставленный товар. Я бизнесмен, продавец товара, но не добытчик сырья». В советское время этот вопрос решался довольно просто: у нас была такая вещь, как монополия внешней торговли и банковская монополия. На внешний рынок выходить могло только государство или юридические лица, уполномоченные на то государством.

Вполне возможно, что в этой ситуации государство могло сказать: «Да! Очень просто — давайте я на государственном заводе „Х“ возьму трактора, а отечественным предприятиям, которым нужны бокситы или что-то еще, в обмен поставлю нужное, полученное от африканских партнеров сырье. Вопрос урегулирования отношений между ними я возьму на себя».

Сегодня этого нет. После распада Советского Союза была провозглашена общая тенденция — «меньше участия государства в экономике». Любая попытка вмешательства государства как регулятора рыночных отношений вызывает негативную реакцию общественности и средств массовой информации. Пока что эта ситуация почти что неразрешима, сейчас на африканском рынке работают только крупные российские предприятия, такие как ГК «РУСАЛ», группа предприятий «Ренова», «Лукойл», «Газпром» и «Роснефть». О малом, среднем бизнесе и индивидуальных предпринимателях, которые там масштабно развернули свою деятельность, говорить несерьезно. Поэтому я бы сказал, что в экономической сфере у нас проблем достаточно много. Все это так, но нельзя и принижать роль названных гигантов отечественной экономики в хозяйственном освоении Африки в национальных интересах России. Они на практике делают очень много для развития российско-африканских связей.

Говоря об истории успешного взаимодействия СССР—Африка, давайте поговорим о перспективе «прорывных моментов» российско-африканского сотрудничества. На чем оно основано сегодня?

Л.Ф.: В первой половине текущего года было создано объединение «Российско-Африканская Инициатива»¹, одним из создателей ее является Институт Африки РАН. В ней участвуют не только академические структуры, но и в первую очередь участвует российский капитал — компании, которые имеют или собираются иметь экономические интересы на африканском континенте. Это начинание приобретает звучание. Данная инициатива разработана совместно Институтом Африки РАН и московским офисом SPB при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации. Целью инициативы является объединение ключевых представителей крупных российских корпораций, правительства и академических сообществ в рабочей группе, которая сосредоточится на оказании помощи российским компаниям в работе на африканском континенте, как в эксклюзивном порядке, так и в комплексных проектах международного уровня.

В этом году на Петербургском экономическом форуме, который недавно завершился, была специальная секция по Африке, и в ее работе принял участие

¹ Африканская деловая инициатива. — URL: <http://www.inafran.ru/node/1102>.

Президент Гвинеи Альфа Конде. Владимир Путин встретился с ним. Российский Президент отметил, что отношения между нашими странами развиваются весьма позитивно и контакты между нашими ведомствами иностранных дел показывают, что «наши мнения по ситуации в Африке, на международной арене в значительной степени совпадают». Также Президент России Владимир Путин отметил: «Мы будем поддерживать и содействовать реализации этих планов»¹.

В целом он отметил позитивный характер российско-гвинейских отношений, а также указал на тенденцию роста двусторонних экономических связей. По словам Путина, в минувшем году российско-гвинейский товарооборот увеличился в 2,2 раза. Кроме того, Путин назвал Гвинею давним и надежным партнером России в Африке. Главы государств озвучили сходную идею создания российско-африканского форума.

Пока мы не будем говорить о его наполнении, но какие-то идеи уже видны, очевидно, что такая структура необходима. В свое время, в том числе и наш институт под эгидой МИДа и других организаций Советского Союза, проводил раз в два года крупные российско-африканские конференции, на которые приезжали и президенты, и премьер-министры, и просто министры африканских государств. Это тоже был элемент воздействия нашей «мягкой силы» на континент, на развитие российско-африканского сотрудничества. И главное, — это встречало понимание и интерес среди африканцев. Сейчас, встречаясь с послами африканских стран, мы слышим, что они в один голос говорят: «Когда вы вернетесь в Африку? Африке нужна Россия! Нужна по многим причинам. Она нужна как демократическая альтернатива в современном развитии геополитического и экономического мироустройства, потому что уже невозможно существовать только в условиях, соизмеряемых с желаниями и требованиями крупных экономик США или Китая. Нужна третья опора, „тренога“. Это, в конце концов, более устойчивая конструкция, чем табуретки с двумя ножками. Нам нужен еще один крупный партнер — Россия, с которым Африка могла бы сотрудничать».

Среди прочих условий для этого у нас есть очень важный момент — во многих африканских странах на высоких должностях государственного управления сохраняется большое число выпускников советских вузов. В том числе и Российского университета дружбы народов. Сегодня эти люди достигли пика своей карьеры, они обладают колоссальным опытом и фундаментальными знаниями, у них хорошие воспоминания о Советском Союзе, у них в основном, как у любого зрелого человека, радужные воспоминания о своей юности. Они открыты. Они готовы общаться.

Не так давно я был на деловой встрече в посольстве Ганы. Президент Ганы заканчивал МГУ. Посол Ганы в Москве учился на Украине, когда Украина была еще Советской республикой. Рядом был представитель «Ghana Cocoa Board», ком-

¹ Президент отметил позитивный характер российско-гвинейских отношений. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3371326> (дата обращения: 16.06.2016).

пании, можно сказать, по значимости для ганской экономики — аналога российского Газпрома. Он окончил Витебский технологический институт. Они все говорят по-русски, они хотят развивать отношения. Они удивляются и не понимают, как Россия, являясь третьей страной по ежегодному подушевому потреблению шоколада (который делается из плодов какао), имеет всего одного импортера сырья в Гане, стране, которая является одним из главных мировых производителей этой культуры? Все остальные российские производители покупают сырье через посредников в Швейцарии либо в Голландии вместо того, чтобы напрямую более дешевое и более качественное сырье для своих производств закупать в африканской стране. Эти проблемы надо преодолевать, несмотря на то, что здесь есть много субъективных моментов, которые сдерживают наших предпринимателей.

Когда все-таки Россия перейдет к долговременному сотрудничеству с Африкой?

Л.Ф.: Думаю, долговременное сотрудничество уже началось, просто мы сейчас находимся в начале пути. К сожалению, есть много внешних факторов, которые этому препятствуют, когда порой решение того или иного вопроса зависит от конкретного человека. У россиян сохраняется определенный стереотип в отношении Африки, что это дикий и отсталый регион, он никому не нужен. Кто-то возвеличивает Западную Европу, кто-то Америку, кто-то Китай, а Африку списывают со счетов. Она выпадает из поля приоритетов. Но это на самом деле не так.

Африка — самый быстрорастущий континент. Если смотреть на реальные цифры, то начиная с 2000-х гг., начиная с нынешнего тысячелетия, нынешнего века, это континент с самыми высокими годовыми темпами роста ВВП. Если брать ежегодный прирост, то он превышает даже страны с быстрорастущими экономиками дальневосточного региона, такими как Китай. Но, понятное дело, не все африканские страны находятся в этом положении, и понятно, что здесь действует так называемый эффект низкой базы, потому что когда экономика маленькая, то каждый следующий прирост будет очень большим.

Так или иначе, но Африка достаточно успешно преодолела мировой экономический кризис 2008—2010 гг., когда почти все развитые экономики мира пережили падение. Африканская экономика в среднем сохранила прирост на уровне 4 процентов ВВП. Это колоссальный рост в сравнении с другими регионами мира.

Африка — это будущее мировой экономики еще и потому, что это единственный континент, где сохраняются высокие темпы прироста населения. Именно в этом регионе мы ожидаем самый большой прирост нового числа потребителей, а учитывая, что экономики африканских стран развиваются и растут, то это будут уже более состоятельные потребители. В ближайшее десятилетие стоит ожидать, что основная часть населения уже не будет абсолютно нищей, бедной массой. Конечно, она не встанет по уровню доходов в один ряд с люксембуржцами и швейцарцами. Но многие уже станут представителями среднего класса. Через полтора-два десятилетия число африканцев будет равняться полутора миллиардам. Это означает ежегодный прирост значительного числа новых потребителей.

Что это даст в итоге мировой экономике? Будет возможность (особенно для таких экономик, как наша) производить и продавать сравнительно недорогие,

простые товары, необходимые именно такому типу потребления. И здесь открываются очень большие возможности для тех, кто правильно оценит ситуацию. По сути, я бы провел аналогию: сегодня Африка — это то, чем в XIX в. в Америке был Клондайк. Кто первым забил колышки, закрепил за собой золотоносный участок, начал разрабатывать, тот и обогатился. Кто-то замешкался, пришел позже, и остался ни с чем.

По оценкам экспертов ООН, целый ряд стран Африки демонстрируют в XXI в. серьезный экономический рост. На ваш взгляд, возможно ли появление африканских «львов» — по аналогии с азиатскими «тиграми», что некоторые политологи предсказывали еще в 1990-е гг.?

Л.Ф.: Они уже сегодня появляются. В мировой экономике, конечно, успех стран на сто процентов тождественно повторяться не может. Экономическая ситуация в Юго-Восточной Азии и ситуация с «экономическим чудом Китая». Хотя бы потому, что для того чтобы история была бы повторена стопроцентно, таким же образом, необходимо, чтобы и Запад, инвестиционная активность которого сыграла большую роль в подъеме азиатских тигров, оставался таким же сильным и динамичным, как почти четыре десятилетия назад. А Запад сегодня уже не такой — он более слаб, у него свои острые проблемы. Он осознал, что, по крайней мере, часть доминирующих позиций в мировой экономике приходится уступить новым поднимающимся гигантам, таким как Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия, Южная Корея и др. Запад старается не поступиться лидерством, более опасно относится к сообществу развивающихся государств. Сотрудничество с ними строит на более жестких условиях, позволяющих ему сохранять их зависимость от развитых экономик [Фитуни, 2012].

Поэтому вряд ли стоит ожидать в Африке тождественно такой же траектории успешного развития. Да и исходные экономические рубежи на континенте намного слабее. Но если говорить о тенденции, если говорить о каких-то параллелях, то сходные по типу с «азиатскими тиграми» модели ускоренного экономического взлета на сегодняшний день в Африке уже существуют. Это такие страны, как Гана, Ботсвана, Маврикий, — они являют примеры если не мощных львов, то лвят уж точно. Маврикий, например, просто пытается копировать индийский опыт. Здесь во многом, конечно, есть и опять-таки специфические для страны причины: значительная часть населения Маврикия этнически связана с индийским субконтинентом, с полуостровом Индостан, с территорией бывшей Британской Индии. Сегодня в основном с Пакистаном и Индией.

Маврикий показал за последние десятилетия достаточно высокие темпы роста ВВП. Страна пытается диверсифицировать свою экономику, которая раньше была основана почти исключительно на производстве сахарного тростника. Конечно, роль последнего в обеспечении экспортных доходов все еще весьма велика, но сегодня имеется и достаточно эффективное экспортное производство простой электроники, пускай несложной, но тем не менее. Создано конкурентоспособное текстильное производство, маврикийцы торгуют по всему миру качественной

одеждой, которая произведена не из химического сырья, а из натурального продукта, из натуральных волокон. Если пройтись по магазинам Соединенных Штатов, очень часто можно встретить одежду с этикеткой «Сделано в Маврикии». И, как правило, это очень хорошего качества рубашки, штаны и даже джинсы.

Школа российской африканистики традиционно считается одной из самых сильных в мире. Насколько востребованы сегодня исследования российских ученых со стороны представителей органов власти, политических кругов и насколько они оказывают влияние на общественное мнение нашей страны?

Л.Ф.: Я бы предложил быть несколько скромнее в оценках наших достижений. Наверное, школа российской африканистики не самая сильная в мире, хотя и занимает достаточно серьезные позиции. Исторические условия развития, длительная физическая оторванность большинства исследователей от континента, ограниченность интереса к нему со стороны российского бизнеса и политических элит привели к тому, что российским африканистам довольно трудно конкурировать со школами тех стран, которые взаимодействуют с Африкой на протяжении веков, то есть Великобританией и Францией. Многие англичане и французы на протяжении нескольких поколений живут в Африке, другие имеют возможность постоянно находиться в этих государствах. В Европе и Америке живет много выходцев из африканских стран, часть из них работает в науке по этой проблематике.

Нет, российская африканистика, наверное, все-таки не самая главная, не самая сильная в мире, хотя, я еще раз повторю, у нас мощная, развитая и явно конкурентоспособная школа. По отдельным направлениям, в основном касающимся современной проблематики, мы действительно на одних из первых позиций. Но многие исторические исследования, работы по социальной антропологии нередко базируются на воспроизведении и творческой переработке западных разработок.

По ряду специфических направлений у России особенно крепкие позиции — например, в исследованиях проблем международных отношений и безопасности, связанных с африканским континентом. Исследование проблематики борьбы с терроризмом на континенте — здесь у нас позиции более крепкие, чем у наших западных коллег.

По вопросу востребованности я отмечу, что, к счастью или к сожалению, ученые никогда не бывают довольны уровнем востребованности их интеллектуальной продукции. Скажем, в советские времена, когда ученых было куда больше, чем сегодня, с нас правительственные и партийные органы регулярно требовали каких-то советов, справок и так далее. Но мы все равно были недовольны, считали, что к нам мало прислушиваются. Сегодня обращений за советом и нашими мнениями куда меньше, и конечно, нам бы хотелось, чтобы нас слышали лучше. Проблема даже не в том, что бизнесмен или политик считает, что и без советов ученых прекрасно разбирается в Африке. Большинство просто считает африканское направление работы слишком сложным и требующим затрат многих сил и энергии.

Но это не значит, что нас вовсе не слышат и не хотят слышать.

Вернусь снова к «Российско-Африканской инициативе». Очень важно, что нас поддержал российский МИД. Там считают, что это правильное начинание, и готовы всеми своими ресурсами помочь в реализации этого начинания, воспользоваться нашей экспертизой по многим вопросам. Я бы сказал, что движение на сегодняшний день идет в положительном направлении, а уж если говорить о последнем времени, то я могу сказать, что я почти счастлив уровнем востребованности за последние года два-три. Здесь надо просто еще иметь в виду, что мы все-таки работаем не только по Тропической Африке, у нас в институте одна из мощнейших в мире школ арабистики.

Востребованность наших специальных знаний велика, поскольку актуальны события последних нескольких лет, начиная со времен «арабской весны». Это и север Африканского континента, но и шире Большой Ближний Восток, а сейчас особенно — Сирия (лично я — арабист по образованию; у меня арабский язык — первый язык, и учил меня еще сам профессор Х.К. Баранов, я — последний его выпуск). Поэтому мы работаем и по проблематике Сирии, хотя это географически не Африка, но это арабский мир, и его проблемы известны и близки. И спрос есть, нас привлекают в основном к аналитической работе. Но мы стараемся быть социально активными — и в последнее время это удается — вести пропагандистскую, просветительскую работу (часто приглашают на радио и телевидение). В общем, я считаю, тренд очень позитивный.

И еще я хочу сказать студентам (и это очень важно), что, африканистика — это очень перспективное направление. Я уже сказал, что Африка — это континент будущего. Востребованность кадров уже велика, но будет еще более расти. Просто так в африканистику войти сложно.

Конечно, в большинстве африканских стран владеют английским и французским языками, и это существенно облегчает ситуацию. А уж если вы знаете какой-нибудь африканский язык, вы тем более оказываетесь в выигрышном положении. Но, не зная специфики, социально-экономических, этнографических вопросов каких-то, вопросов социальной антропологии, истории этого континента, с Африкой вы будете работать недостаточно эффективно. Я уверен, что где-то начиная с 2025-го — 30-х гг. очень резко обострится спрос на специалистов-африканистов, просто в силу тех экономических факторов, которые я описал. Это будет новый Клондайк, это будет новая сфера предложений и экономических интересов всего мира.

Уже и Китай новый игрок, и Индия новый мировой игрок. Обе страны очень активно вторгаются в африканские экономические отношения, в позитивном смысле этого слова вторгаются. Они торгуют, осуществляют экономические проекты различного рода, настолько эффективно и привлекательно, что это вызывает опасения на Западе. Мы неизбежно столкнемся с тем, что нужно «идти в Африку».

Сегодня — это начальный этап, а к 2025—2030 гг. это все реализуется в полной мере. Это будет континент, дающий гарантированно высокую отдачу, требующий многих специалистов. А если есть спрос на специалистов, значит, у них высокие зарплаты, значит, открываются интересные перспективы работы.

Поэтому у студентов, которые выбирают в качестве специализации это направление, будут, как мне кажется, очень хорошие перспективы. Сейчас нужно учиться, затем в течение 5—10 лет создать солидную базу знаний, умений, навыков в своей области с тем, что как раз к пику, к 2025-му г. примерно, подойти уже как знающий, серьезный специалист, обладающий не только знаниями, но и позицией определенной.

Какие еще существуют перспективные центры изучения африканистики в мире?

Л.Ф.: В мире довольно много центров африканистики. Их сравнивать довольно трудно. В Кембриджском университете Центр африканских исследований состоит примерно из 15 человек. Студентов там очень много, но постоянных работников всего около 15 человек (кстати, с неплохими зарплатами), включая их секретаря. Возрастной состав — от 80-летних профессоров до двадцати «с небольшим»-летних ассистентов.

Кембриджский университет всемирно известен, знаменит. Это большой, мировой центр науки. В Англии, Франции, США почти каждый уважающий себя университет считает обязательным иметь центр африканских исследований. Вот такого рода центров тысячи и тысячи в мире. Я думаю, что значимых, по меньшей мере, тысячи полторы, разной величины. Не все сравнимы по влиятельности с Кембриджским университетом, парижской Сорбонной или Центром африканских исследований в Экс-ан-Прованс.

Но не только крупные империалистические державы интересуются Африкой. Всемирно известен пекинский Институт Африки и Западной Азии. Много научных центров африканистики в Индии и Бразилии. Как минимум 5 центров африканских исследований я знаю в Турции. Они совершенно несравнимы по знаниям и вкладу в мировую науку, хотя тоже ведут довольно интенсивный научный обмен с Африканским континентом.

Во многих странах 2—3 исследователя плюс 2 ассистента и секретарь, и вот вроде тоже центр. В английском языке есть такое понятие *Top heavy*, то есть это некая конструкция, когда центр тяжести находится вверху. В этом смысле наша наука, к сожалению, сильно отличается от западной системы тем, что на Западе, как правило, 1—3 великих профессора, специалиста, но зато много помощников, молодой *junior staff*, которые помогают, ведут рутинную работу, собирают материалы и т.д. Почти всегда их имена даже не упоминаются в научных работах. В некоторых случаях, если они внесли серьезный вклад и к ним очень хорошо относится руководитель, им выражают благодарность в предисловии книги. И на одного профессора там может приходиться 3—4 таких помощника.

У нас ситуация такова (в том числе и в нашем институте), что у нас много специалистов высшей категории. Это доктора наук, это кандидаты наук. А вот, например, младших научных сотрудников значительно меньше, чем таковых требуется. А люди без степени не очень задерживаются, потому что зарплаты маленькие, перспективы они здесь особо не видят. А перспектива следующая: либо войти в элиту, тоже стать кандидатом наук и пополнить ряды вот этих *Top heavy*, либо оставаться на таких мало оплачиваемых и незаметных должностях. А этого никто не хочет.

В данной ситуации у ответственных по должности, но не по уму чиновников появляются прожекты: «А давайте поувольняем основную массу профессоров, и баланс между кадрами высшей и меньшей квалификации сам собой отладится». И невдомек им, неразумным, что так можно под корень подрубить отечественную науку, а потом долго еще сожалеть о том, что собственных кадров уже нет, а научные разработки надо за огромные деньги закупать за рубежом, а часто ведь и за деньги не продают нам наши зарубежные партнеры то, от чего мы когда-то бездумно отказались.

Какой вуз, специализирующийся на подготовке российских африканистов, сейчас имеет наиболее сильные позиции? Насколько мы конкурентоспособны в сравнении с мировыми центрами изучения Африки?

Л.Ф.: Не буду во имя скромности грешить против истины. В России это Институт Африки РАН. Это уникальный институт, и у нас конкурентов нет. Даже близкий нам Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, к которому я с большим уважением отношусь и где сам преподаю, является лидером только по филологическому направлению, связанному с преподаванием африканских языков. Конечно, отдельные сильные исследователи-африканисты имеются, наверное, в полутора десятке вузов и НИИ России.

В Институте Африки РАН на сегодняшний день работает около 100 человек, из которых 87 — это научные сотрудники. И по мировым понятиям, если это не самый большой, то один из самых больших по численности научных центров, специально посвященных проблематике Африки. К примеру, если говорить о мировых центрах, то я с большим уважением отношусь к Центру африканских исследований Оксфордского университета¹. На сегодняшний день, на мой взгляд, они выпускают самый влиятельный в мире журнал по африканистике. Он так и называется «*African Affairs*». В Кембриджском университете очень сильная английская школа африканистики. И на самом деле в Англии практически в каждом из университетов, особенно в так называемых старых университетах, есть свой центр африканских исследований.

Конечно же, нельзя не упомянуть в Великобритании «*School of Oriental and African Studies*» (SOAS) Лондонского университета. Это образовательное учреждение по своей специализации не только африканистское, но по количеству научных сотрудников, конечно, могло бы с нами конкурировать. В 2012 г. на SOAS на постоянной основе трудилось 1150 человек. Африканистов там чуть менее 100 человек, это крупнейший мировой центр по изучению африканского континента.

В США в университете Калифорнии в Беркли (UC Berkeley) очень мощный центр африканских исследований. Существуют и просто институты, вот, скажем, в ФРГ знаменитый «*Institut für Afrika-Kunde*» (IAK), который в меньшей степени занимается экономической проблематикой и больше ориентирован на этнологию,

¹ Путин в рамках ПМЭФ встретится с представителями бизнеса и генсеком ООН. — URL: <http://ria.ru/economy/20160616/1448404397.html> (дата обращения: 16.06.2016).

социальную антропологию. Традиционно в нашем институте более сильные политические, экономические исследования, проблематика глобальных проблем и Африки. Здесь мы конкуренты. Конечно, существуют международные ассоциации африканских исследований, например, европейская ассоциация африканских исследований, куда входят почти 50 достаточно крупных учреждений. Так что в мире очень много этих центров, но я считаю, что Институт Африки РАН — один из лидирующих.

Какие темы для африканистов сейчас наиболее важные?

Л.Ф.: Здесь надо понимать, что есть африканисты-экономисты, социальные антропологи, этнографы, лингвисты. Если для последнего важны проблемы суффиксов в каком-то африканском языке, и он считает, что ничего более актуального нет, то кто-то другой скажет, что сейчас наиболее важна проблема по политическим исследованиям, социологии или, например, коррупции в Африке.

На мой взгляд, с точки зрения именно будущего молодого специалиста, то есть человека, который сегодня определился и ему интересна Африка, думает, на чем специализироваться внутри африканистского направления, я бы выбрал стык двух специальностей, возможностей, может, немного повторяя свой собственный опыт. Я экономист и считаю, что знание экономики (в данном случае африканской экономики) вооружает человека конкретными знаниями фундаментальных первопричин общественных отношений. А с другой стороны, для африканиста очень важно знание или понимание африканского общества.

Поэтому познание социальных проблем должно начинаться с вопросов взаимоотношений внутри общины, семьи и выходить дальше за отношения между различными странами и общественными группами в обществе, за которыми стоят, например, этнические проблемы и т.д. На сегодняшний день это то, что придаст молодому экономисту особые специальные знания, которыми люди, чуждые африканистике, обычно не владеют. Такой специалист станет особенно востребованным. На мой взгляд, описанное сочетание оптимально.

Африканисты как-то взаимодействуют с бизнесом?

Л.Ф.: Безусловно, но, как я уже говорил, деловой сегмент наших отношений с Африкой необходимо развивать активнее. На сегодняшний день российский бизнес проявляет недостаточное внимание к африканскому рынку, но это не значит, что не проявляет совсем. Например, покупателями и добытчиками тех же бокситов на Африканском континенте являются наши российские компании. В нефтяной и алмазной отрасли мы достаточно активно работаем, пытаемся строить инфраструктурные объекты. При умном ведении дела, естественно, возникает потребность в научном консультировании, возникает спрос на те знания, которыми обладают российские африканисты. У нашего института бывают заказы, в том числе и от крупного бизнеса, на выполнение исследовательских работ. Чаще всего это обоснование каких-то исследований, анализ рынков или специфика знаний об инвестиционном климате в той или иной стране, о страновых рисках и т.д. и т.п. Это то, что бизнес хочет знать и о чем может получить и получает информацию от Института Африки РАН.

С какими зарубежными центрами у Института Африки РАН наибольшие контакты?

Л.Ф.: У нас достаточно обширные контакты с Американской ассоциацией африканских исследований. Если говорить о западных центрах, то я уже упомянул Кембриджский университет, но нужно особо выделить исследовательские центры Египта, Марокко, ЮАР, Нигерии, Эфиопии. Ежегодно я и директор нашего института профессор И.О. Абрамова участвуем в проводимых этими центрами мероприятиях.

Все-таки важнее всего контакты с африканскими центрами. У нас есть соглашение о сотрудничестве с 5-ю университетами в ЮАР, с Институтом международных отношений в Нигерии, с НИИ и университетами в Танзании, Эфиопии, Египте, и вот в последнее время активно развиваются связи с Марокко, с которым у нас сложилась удачная система отношений, потому что у нас есть возможность вести полевые исследования по достаточно чувствительным вопросам, касающимся, например, джихадизма, исламизма. Мы благодарны марокканской стороне за готовность сотрудничать с нами. Здесь есть поддержка на самом высоком уровне. Мы участвуем в научных мероприятиях, которые проводятся под эгидой короля Марокко. Это международная конференция по африканской безопасности. И здесь у нас очень тесные связи, есть соглашение с Марокканским центром стратегических исследований, который является главным организатором.

Россия начала оказывать гуманитарную помощь странам Африки, в том числе в области медицины, еще в XIX в., и сегодня Россия играет ключевую роль в борьбе с эпидемией лихорадки «Эбола» в Западной Африке. Будут ли закреплены эти успехи и каковы перспективы российских медиков и производителей медикаментов в сотрудничестве со Всемирной организацией здравоохранения и африканскими странами на этом направлении?

Л.Ф.: Я не зря упомянул ГК «РУСАЛ», который давно работает в Гвинее, и не упомянул, хотя надо было упомянуть, его социальные программы. Эта корпорация строит школы, больницы в районе Кении, там, где ведется добыча. И в принципе не только они, но и российские медики были серьезно озабочены этой проблемой, связанной с Эболой. Наши ученые разработали вакцину, эта вакцина действующая, и мы готовы передать ее гвинейской стороне, а также вести медицинскую работу. На этом вопросе Президент Гвинеи Альфа Конде во время своего выступления на Петербургском экономическом форуме 2016 г. очень подробно остановился, выразил благодарность российской стороне¹, и, на мой взгляд, здесь существуют довольно серьезные перспективы, большие возможности для практического использования этой вакцины.

Проблема заключается в том, что это не только вопрос человеческого здоровья, с каких позиций сейчас подходит РФ, это политическая ситуация, с которой нужно помочь африканским странам преодолеть проблему. Дело в том, что та

¹ Путин в рамках ПМЭФ встретится с представителями бизнеса и генсеком ООН. — URL: <http://ria.ru/economy/20160616/1448404397.html> (дата обращения: 16.06.2016).

или иная вакцина — это еще и огромный рынок для медицинских корпораций. Поэтому французские, швейцарские, американские корпорации конкурируют с нами и пытаются доказать свой приоритет в этом направлении. И хотя сейчас реальный успех за нами, мы добились его, он признан всеми, но это не значит, что мы должны почивать на лаврах. Вполне возможно, что кто-то будет пытаться подставить нам подножки. Поэтому надо держать ухо востро и не терять деловой и научной бдительности. В целом, перспективы серьезные и значение этого шага передачи и разработки вакцины очень велико и признано африканцами, прежде всего Гвинеей, одной из самых пострадавших стран вместе со Сьерра-Леоне.

Вообще содействие в области медицины и здравоохранения — важное направление поддержки Россией африканских стран. В мае 2015 г. центральному госпиталю столицы Кот-д'Ивуара Абиджана в качестве гуманитарной помощи было передано медицинское оборудование (инкубаторы интенсивной терапии для новорожденных, фототерапевтические неонатальные облучатели, аппараты искусственной вентиляции легких) на общую сумму 100 тыс. долларов. Россия вкладывает средства в разрешение других медицинских проблем африканцев. Так, добровольные пожертвования России в глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией достигли \$100 млн.

Помимо этого наша страна также выделила \$50 млн в пользу фонда Всемирного банка для беднейших стран. Средства из него идут преимущественно на развитие субсахарского региона Африки. В период с 2008 по 2012 г. Россия уже вложила 42,9 млн долларов в программу Всемирного банка по повышению качества образования в развивающихся странах. В рамках этой же программы сейчас в России обучаются 8 тысяч студентов из Африки, из которых половина учится на бесплатной основе.

Кроме того, наша страна участвует во Всемирной продовольственной программе, в рамках которой была оказана помощь Эфиопии, Кении, Республике Гвинея, Сомали и Джибути. Через Международную организацию гражданской обороны продовольствие из России поступило в Кот-д'Ивуар.

Интервью подготовила Ольга Герасимова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 6. С. 141—150.

Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики (Вопросы теории) // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 9—18.

Для цитирования: Россия — Африка: клондайк взаимодействия. Интервью с профессором, д.э.н. Л.Л. Фитуни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 334—349.

RUSSIA — AFRICA: KLONDIKE OF INTERACTION

**Interview with professor, Doctor of economics,
Deputy Director of the Institute of African studies
of the Russian Academy of Sciences,
Director of Center for strategic and global studies L.L. Fituni**

Professor Leonid L. Fituni was born on the 27th of September 1953. He graduated from the Moscow State Institute of International Relations, MFA of the USSR in 1975. He is Deputy Director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Concurrently, he heads the Center for Strategic and Global Studies there. He is the author of 18 books and about 300 articles, is fluent in English, French and Arabic.

Interview with Doctor of Economics, Professor L.L. Fituni is devoted to the most topical issues of Russian-African relations, as well as key features of interaction in historical perspective. According to Leonid Leonidovich, at the moment we can not say that these relations are at their peak, however, there can be traced a certain rise in the past decade. Professor also touches upon Russian debt relief to African countries and the presence of Russian business on the African continent. L.L. Fituni in details describes the economic potential of African countries and the prospects for cooperation with Russia.

Particular attention is paid to the world scientific schools of African research and training in this area, including the national school of African studies.

Key words: Africa, African Studies, Russian-American relations, Institute of African Studies

REFERENCES

Abramova I.O., Fituni L.L., 2015. Afrika i Rossiya: perspektivy sotrudnichestva v novykh istoricheskikh usloviyakh. [Africa and Russia: prospects of cooperation under the new historical conditions]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, № 6, pp. 141—150.

Fituni L.L., 2012. Differentsiatsiya razvivayushchikhsya stran i novaya arkhitektura mirovoi ekonomiki (Voprosy teorii). [The differentiation of the developing countries and the new architecture of the world economy (Theory Questions)]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 10, pp. 9—18.

For citations: Russia — Africa: Klondike of interaction. Interview with Professor, Doctor of Economics L.L. Fituni. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 334—349.